

Сложные прилагательные неотчуждаемой принадлежности в русском языке

Работа посвящена изучению категории неотчуждаемой принадлежности в русском языке. Она проявляется в моделях с формально выделяемым нулевым суффиксом у сложных прилагательных и у прилагательных с префиксом *без-*, которые обнаруживают относительную продуктивность в современном языке. Рассматриваются ограничения на действие моделей как семантического, так и структурно-фонетического свойства. Представляется, что данные модели формировались на основе представлений о наиболее важных сущностях, составляющих целостный образ человека.

Ключевые слова: неотчуждаемая принадлежность, сложные слова, нулевой суффикс, прилагательные с префиксом *без-*, значения принадлежности и лишения, русские фамилии.

Нулевой суффикс в сложных прилагательных

Исходным пунктом исследования послужило сосуществование в языке пар сложных прилагательных типа *разноязыкий – разноязычный, сладкоголосый – сладкогласный, жестокосердый – жестокосердный, длинношерстый – длинношерстный* и проч. Формальное различие слов в парах заключается в наличии или отсутствии суффикса *-н-*, а содержательное, очевидно, требует уточнения.

Нас интересует, прежде всего, класс прилагательных, образованных сложением корней без добавления суффикса *-н-*. Это довольно обширная группа слов, заключающая в себе характеристику субъекта обладания (обладателя) по обладаемому объекту с его выделенным признаком, например: *белолицый, синеглазый, шестипалый* и проч. Обладатель, как правило, одушевленный – человек или животное. В самом прилагательном обычно в качестве второго компонента используется название части тела, а первым компонентом является ее признак, выраженный основой прилагательного или числительного, но возможна здесь и основа существительного – тогда подразумевается сходство сопоставляемых объектов

(*саблезубый*: ‘с зубами как сабли’) либо сходство с аналогичным объектом у другого обладателя (*волоокий*: ‘с очами как у вола’). Таким образом, данная группа объединяет модели $[A+N]_A$, $[Num+N]_A$ и $[N+N]_A$, характеризующие обладателя X по некоторому признаку Z обладаемого объекта Y. Можно заметить, что Y представляет собой неотчуждаемую принадлежность субъекта, и отсюда предположить, что данные модели являются способом выражения категории неотчуждаемой принадлежности в русском языке. Аргументом в пользу такой гипотезы является то, что для значений неотчуждаемой принадлежности ‘имеющий много детей/ домов/ мало денег’ и проч. возможные формы *многодетный*, *многодомный*, **малоденежный* отмечены суффиксом *-н-*, которому обычно приписывается широкое значение отнесенности к референту. Носителем значения неотчуждаемой принадлежности является, очевидно, нулевой суффикс, который и выполняет вместе с соединительным формантом словообразующую функцию.

Такая точка зрения принята в Академической грамматике¹. Не используя термина «неотчуждаемая принадлежность», грамматика уточняет, что в опорной основе даны объекты, обозначающие части тела человека или животного или части растения (реже – их неотъемлемое свойство), а в первой основе возможны и глагольные корни: *лупоглазый*, *пучеглазый*². Данный класс сложных прилагательных сопоставляется с моделью прилагательных с префиксом *без-* (*безрукий*, *безухий* и проч.), в которых также выделяется нулевой суффикс, модель при этом передает значение лишения того, что названо в корне³.

Согласно Академической грамматике, нулевой суффикс в русских сложных прилагательных отличает данную модель от чистого сложения типа *сине-зеленый* или *засухоустойчивый*, при котором опорный элемент существует в языке как самостоятельное прилагательное, т.е. нулевой суффикс нужен, чтобы произвести целое, которое невозможно образовать простым сложением слов (например, **глазый* отсутствует в языке). Существует, однако, иная точка зрения. Как отмечает Й. Гжега, ссылаясь на Я. Горецкого⁴, рассматривавшего подобную модель в чешском языке (*ostrochvost*), мы не можем использовать термин нулевой производящей морфемы или нулевого суффикса, поскольку понятие нулевой морфемы осмыслено только в рамках закрытой системы («we cannot use either the term zero-derivative-morpheme or that of zero-suffix, since the notion of zero-morpheme makes sense only in the frame of a closed system»⁵). Для словоизменения закрытая система – это, например, парадигма склонения. Т.е. мы выделяем нулевое окончание именительного падежа существительных мужского рода в парадигме склонения

постольку, поскольку она включает другие падежные окончания. Можно заметить, однако, что при словообразовании нулевая морфема выделяется не столько в противопоставлении значений, сколько в их сопоставлении, т.е. в ряду других, ненулевых морфем в формах с близким значением (ср. *синева* и *синь*, *собрание* и *сбор*, также примеры выше: *разноязыкий* и *разноязычный*). Таким образом выделение нулевого суффикса оказывается системно обусловленным.

Надо отметить, что нулевой суффикс не обладает единственным специфическим значением, он возможен в разных словообразовательных типах и в силу этого омонимичен: он отмечается также в сложных существительных типа *пароход*, *самолет* или *тяжеловес*, *толстосум*, в отглагольных существительных типа *пуск*, в существительных, образованных от прилагательных, типа *синь*, *высь* и др.⁶ Иными словами, необходимость выделять нулевой суффикс возникает там, где существует отношение производности и у производного слова появляется особое значение, причем не уникального, а общего типа. Таким значением оказывается и значение неотчуждаемой принадлежности, основанное на отношении обладания и характеризующее рассматриваемый класс прилагательных.

Типологическая характеристика композигов принадлежности

В типологических исследованиях сложные слова со значением принадлежности относят к классу атрибутивных⁷. Атрибутивные сложные слова, т.е. существительные и прилагательные с определительным отношением между компонентами (*blackbird*, 'черный дрозд', букв. 'черная птица'; *green-eyed* 'зеленоглазый'), противопоставляются субординативным – именам с подчинительным отношением (*steamboat* 'пароход', букв. 'пар+лодка', *lipstick* 'губная помада', букв. 'губа+палочка') и координативным сложным словам с равноправными компонентами (*bitter sweet* 'горько-сладкий', *actor-author* 'актёр-автор'). При этом атрибутивные (как и композиты других классов) могут быть эндоцентрическими (*blackbird*, *green-eyed*) или экзоцентрическими (*greybeard* 'седобородый человек, старик', букв. 'седая+борода', *redskin* 'краснокожий', букв. 'красная+кожа'); для сравнения: в русском *зеленоглазый* и *седобородый* принадлежат одной модели.

Признак экзоцентричности предполагает, что объект X, к которому отнесено сложное слово, не назван ни в одном из его компонентов и не вступает с ними в родовидовые отношения: например,

различаются как экзоцентрическое и эндоцентрическое сложные слова *сухогруз*, обозначающее не груз, а корабль, и *сухофрукты*, обозначающее фрукты. Экзоцентрические композиты – это тип сложных слов бахуврихи, по традиции индийских грамматик. В английских примерах типа *green-eyed* ‘зеленоглазый’ суффикс *-ed* считается «головой» композита – указанием на референцию к X, поэтому они рассматриваются как эндоцентрические; примеры же без суффикса *-ed* выступают как существительные – носители признака на основе метонимического переноса и, следовательно, оказываются экзоцентрическими (*greybeard* ‘седобородый человек, старик’). Наличие нулевой морфемы со значением принадлежности в словах типа *greybeard* отмечал еще Уильям Д. Уитни⁸. Таким образом, явное или скрытое присутствие словообразующего элемента различает здесь эндоцентрические и экзоцентрические композиты. Среди русских сложных прилагательных также можно провести подобное разделение: прилагательные с нулевым суффиксом (*зеленоглазый, седобородый*) оказываются экзоцентрическими, а с суффиксом *-н-* – эндоцентрическими, поскольку суффикс указывает на референцию к субъекту.

Неотчуждаемая принадлежность

Категория неотчуждаемой принадлежности выделяется как грамматическая в некоторых языках Африки, Океании, Австралии. Обычно неотчуждаемая принадлежность оказывается немаркированной, а отчуждаемая – маркированной особым показателем, что может указывать на архаичность первой. В языках европейского стандарта это семантическое явление слабо прослеживается в выборе местоимений или артиклей:

- фр. *Il fermait les yeux – Il fermait son cahier*⁹
- ср. рус.: *Он закрыл глаза – Он закрыл свою тетрадь* (при невозможности **Он закрыл свои глаза* и допустимости *Он закрыл свои усталые глаза*).

Неотчуждаемая, или «неотторжимая», принадлежность попала в поле исследований А.Б. Пеньковского. Так, при сравнении наречий *бережно – осторожно* оказывается, что употребление *бережно* ограничено по отношению к субъекту речи и к предметам, связанным с ним неотторжимой принадлежностью: например, невозможно **бережно погладить свою щеку*. Т.е. неотчуждаемая принадлежность может проявляться как скрытая семантическая категория¹⁰.

Тем удивительнее представляется выделение этой категории в русском языке на уровне словообразования. Причем здесь модель неотчуждаемой принадлежности оказывается продуктивной; так, легко образовать прилагательные *синеврошый, сереброушый, гладкопелый, мягкобокий*, которые будут общепонятны, хотя и не содержатся в словарях русского языка. Возможность подобных форм подтверждается существованием большого числа фамилий, производных от прозвищ. Б.О. Унбегаун предполагает переход от прозвища-словосочетания к фамилии через промежуточную стадию прилагательного: *Кривые ноги > Кривоногий > Кривоногов*. Для фамилий на *-ов* такая промежуточная стадия (а следовательно и само прилагательное) легко восстанавливается, хотя прилагательные и отсутствуют в современном языке, например: *Гололобов* (< **гололобий*), аналогично *Сиволобов, Свинолобов, Кособрюхов, Остропятков, Сухобоков, Сухоносов, Синепупов, Толстогузов, Толстоусов, Вислобоков, Долгоружев, Дурноружев, Корконосов, Корчебоков, Мерзлоухов, Теплоухов, Лихошерстов, Худоногов* и др.¹¹

Хотя в плане словообразования неотчуждаемая принадлежность выражается продуктивной в современном языке моделью, здесь действуют некоторые определенные ограничения семантического и структурно-фонетического свойства. Определение этих ограничений и является главной задачей настоящей работы.

Семантические ограничения

1. Одушевленность/неодушевленность субъекта: *длинношерстый* и *длинношерстный*

В определении АГ прилагательные указанного класса связываются с одушевленными субъектами, реже с растениями; как специфические выделяются *длиннополый* (об одежде), *широкополый* (о шляпе)¹². По нашей оценке, неодушевленных объектов – обладателей неотчуждаемых признаков может быть больше. Например, *узкогорлый кувшин, трехногий стул, тонкокожий апельсин, островерхая крыша, тупоносый чайник, толстопузый самовар* и проч. Очевидно, эти предметы имеют названные части как необходимые, без них предметы теряют свою функциональность: шляпу нельзя представить без поля (тогда это уже шапка), а кувшин без горлышка (тогда это просто сосуд – ваза или горшок), так что употребление прилагательных данной модели кажется вполне оправданным. К тому же легко заметить, что неотчуждаемые части имеют переносные названия: *носик, горлышко, ножка, кожура* и т.д.; причем

обычно с уменьшительными суффиксами, которые утрачиваются в прилагательных (об этом ниже). Возможно, что соотношенность с названиями частей тела отличает данные сложные прилагательные от таких, как *трехколесный* (велосипед), *многоэтажный* (дом), *черноплодная* (рябина) и проч., соотносимых с не менее важными частями других предметов, но оформленных суффиксом *-н-*.

В класс неодушевленных субъектов попадают и такие сочетания, как *сладкоголосый ручей*, *многоголосый хор*, *разноголосое пение*, *многоязыкий базар*, *многоликий Восток* и др. В них очевидно присутствует либо персонификация, либо отнесение к действию лица или к множеству лиц.

Все же различие одушевленного и неодушевленного субъектов обладания отчасти сохраняется в парах *длинношерстый / короткошерстый щенок* – *длинношерстный / короткошерстный ковер*, хотя суффиксальные прилагательные в целом преобладают (по Google на 28.12.15 форма *длинношерстый* отмечена 14 600 раз, *длинношерстая* 10 300 против *длинношерстный* 381 000 и *длинношерстная* 414 000; причем *длинношерстный ковер* 27 600, *длинношерстый ковер* 1490, гораздо чаще определение с *-н-* уже относится к породам собак или кошек).

2. Воспринимаемость признака: *хладнокровный* и *мягкотелый*

В целом ряде случаев характеризующие субъекта сложные прилагательные с опорным неотчуждаемым объектом оказываются оформлены суффиксом *-н-*. Это такие примеры, как *благодушный*, *великодушный*, *добродушный*, *равнодушный*, *тщедушный*, *добровольный*, *своевольный*, *благоденственный*, *своенравный*, *злонравный*, *добросовестный*, *добросердечный*, *мягкосердечный*, *милосердный* (но *жестокосердый!* – о чем ниже), *чистосердечный*, *теплокровный*, *хладнокровный*, *чистокровный*, *остроумный*, *тупоумный*, *хитроумный*, *благоразумный* и проч. Можно заметить, что большинство из них связаны с обозначением не столько частей тела, сколько способностей, приписываемых субъекту, или «невидимых органов», где, по Е.В. Урысон, помещается такая способность, согласно семантической системе русского языка¹³; это *душа*, *воля*, *нрав*, *совесть*, *сердце*, *кровь*, *ум*, *разум*. Возможно, их невидимость, неосвязаемость, невоспринимаемость обычными органами чувств и создает границу, за пределами которой оценка неотчуждаемости становится проблематичной. Сердце и кровь отличаются от остальных членов ряда тем, что являются реальными физическими объектами, однако невидимыми и, возможно, потому также оцениваются не напрямую, а опосредовано, по приписанным признакам.

В этом, очевидно, и состоит основная разница значений двух моделей. Как неотчуждаемые оцениваются непосредственно воспринимаемые объекты, а скрытые или абстрактные со своими признаками – скорее, как характеризующие личность субъекта. И признаки их оценки часто также бывают абстрактными или переносными – *благой, добрый, злой, милый* и др. В этом ряду *хладнокровный* имеет переносное значение: ‘имеющий «холодную кровь», т.е. сдержанный’ в противоположность ‘горячей, пылкой крови’, что говорит о трезвости, спокойствии, расчетливости: кровь как невидимая внутренняя сущность отвечает за темперамент и самообладание. Можно возразить, что *мягкотелый* также имеет переносное оценочное значение – ‘слабохарактерный, безвольный’; однако оно появляется на основе явленных, воспринимаемых признаков. Аналогично – *твердолобый, узколобый*. Лоб и тело могут мыслиться как видимые границы вместилища воли, ума и характера, откуда и развиваются переносные значения у сложных прилагательных – ‘упрямый’, ‘ограниченный’, ‘бесхарактерный’.

Таким образом, для выбора модели явленность неотчуждаемого объекта приоритетнее его качественной оценки (прямой или переносной, воспринимаемой или выводимой). И значение неотчуждаемой принадлежности существенно отличается от отчуждаемой принадлежности как имманентное свойство, реально присущее субъекту, от приписываемого ему. Это же касается и прилагательных с префиксом *без-* (ср. *безрогий, безбородый, но безвольный, бездушный*).

Фонетические ограничения

Помимо отмеченных семантических, существуют еще и фонетические ограничения, определяющие возможность построения сложного прилагательного. Они связаны с особой слоговой структурой второго компонента – это может быть либо односложная основа (*глаз, пол*), либо основа с полногласием (*голос, борода*), исключение – *язык*. Эти ограничения отмечены в Академической грамматике для прилагательных с приставкой *без-* и для сложных прилагательных. Структурные ограничения на двусложный второй компонент не допускают, в частности, прилагательных **парнокопытые, *острохребтый, *длинноресничный* для обозначения неотчуждаемого обладаемого; они также не позволяют образовать прилагательные типа **тонкокожурый* для неодушевленных предметов. По-видимому, возможность двусложных основ с полногласием также опирается на существование исходных неполногласных вариантов (ср. *златовласый – золотоволосый*). Вообще сложные прилагательные этого клас-

са редко превышают длину в 5 слогов; более длинными могут быть терминологические образования, например *перепончатокрылые*, *чешуйчатокрылые* (это можно отчасти объяснить тем, что они являются принадлежностью письменного языка). Возможно, это ограничение как-то связано и с акцентной структурой слова (для слов, имеющих более 5 слогов, нормально двойное ударение). Во всех случаях неотчуждаемая принадлежность стремится к минимизации средств выражения, что в целом соответствует общей тенденции немаркированности этого признака в противоположность маркированному выражению отчуждаемости. По-видимому, в этом воплощается и архаичность категории, и архетипичность самого отношения.

Таким образом, продуктивность данной модели словосложения зависит от выполнения основного семантического ограничения (воспринимаемость признака органами чувств) и от структурно-фонетического ограничения.

Особые случаи

1. *Жестокосердый и милосердный*

Однако в рассмотренном ряду присутствуют прилагательные с опорным компонентом *сердце*, образующие формы по обоим моделям: *жестокосердый*, *милосердый*, но *мягкосердечный* и *милосердный*. В соответствии с нашей гипотезой, как обозначение не воспринимаемого непосредственно, невидимого органа чувств, *сердце* нормально образует прилагательные с *-н-*. Однако в языке существуют и формы без *-н-*, оказывающиеся, судя по словарям, более архаичными. Как изначально неодносложная основа, *сердце* в них утрачивает суффикс и таким образом соответствует фонетическому критерию. В Материалах для словаря древнерусского языка И.И. Срезневского¹⁴ есть форма *жестосьрдыи*, а прямое соответствие для *жестокосердый* отсутствует. Можно предположить, что форма *жестокосердый* появилась из *жестосердыи* под воздействием прилагательного *жестокий*, вытеснившего *жестый* (прилагательные *жестый* и *жестокий* в первом значении близки: 'твердый, крепкий' и 'жесткий' соответственно); Срезневским также отмечены другие формы на *-сердыи / -сьрдыи* – *милосердыи*, *бесьрдыи* ('бессердечный') – при отсутствии у него *милосердный*. Формы с *-н-* нормально появляются в соответствии со структурными ограничениями при двусложной основе *сердыч- / сердеч-* и, видимо, по аналогии с ними в *милосердный*; под него подстраивается и *жестокосердный*, зафиксированное у Шведовой¹⁵ при устарелом *жестокосердый* (**жестокосердечный* представляется слишком

громоздким, многосложным). В настоящее время формы продолжают соперничать: *жестокосердый* 15 300, *жестокосердный* 36 400 примеров по поисковику Google (28.12.15).

В этом рассуждении получается, что наиболее архаичные прилагательные без *-н-* ориентировались на сердце как чувственно воспринимаемый орган, средоточие всех чувств, видимый центр (ср. *сердце* – ‘середина, сердцевина’ в первом значении, по Срезневскому), отвечающий за эмоциональное поведение (в частности, гнев, раздражение, ср. *в сердцах, сердитый*); либо, возможно, различие воспринимаемого и невоспринимаемого развилось позднее. О возможности первого толкования говорит и такой пример: Срьдце же посредѣ персии, к нему же от всихъ съставъ жилы сходящеса, всяко чютие приносить.¹⁶

2. *Сладкоголосый и сладкогласный*

Аналогичную пару образуют и прилагательные *сладкоголосый* и *сладкогласный*. Первое может пониматься как неотчуждаемая принадлежность, особенное свойство говорящего или поющего, в том числе соловья, сирены (ср. и в переносном значении – «Сладкоголосая птица юности», перевод с англ. «Sweet Bird of Youth» Теннесси Уильямса), второе – и как характеристика речи, пения, голоса птицы, звучания лиры, как синоним к «сладкозвучный». Это различие подтверждается и противопоставлением основного конкретного значения у *голос* и абстрактного у *глас*:

Так – в значительной мере – сделал сладкоголосый Жуковский, расчистивший дорогу для Пушкина. [Бахыт Кенжеев. Из Книги счастья (2007) // Новый Мир, 2008]¹⁷

Где та сирена, которая нас, гибнущих плователей, соблазнила сладкогласным своим пением? [М.Е. Салтыков-Щедрин. Сенечкин яд (1863–1871)]¹⁸

Можно сравнить также пару *безголосый* – *безгласный*, где первое прилагательное характеризует отсутствие голоса (певческого) или просто временную потерю голоса у субъекта, а второе – означает ‘безмолвный’ или ‘беззвучный’.

На слух оцениваются и другие качества, связанные с речью: *разноязыкий* – *разноязычный*, *многоязыкий* – *многоязычный*, которые во многих контекстах взаимозаменяемы, но все же обладают и собственными предпочтительными референтами: в первом случае этот референт мыслится как одушевленное существо или заполненное народом пространство: *многоязыкий ребенок, народ, театр, университет, базар*, во втором – как технически сложный объект: *сайт, портал, переводчик, проект, форум, домен, интерфейс, разговорник*.

3. Бесстыжий – бесстыдный

Прилагательные с префиксом *без-* во многих отношениях ведут себя так же, как и сложные прилагательные. Они имеют формы с *-н-* и без него, которые обнаруживают то же семантическое различие: *безухий – одноухий, бессердечный – добросердечный, бездушный – двоедушный*. В западной традиции прилагательные такого типа могут описываться как сложные слова с двухкомпонентным составом: предлог + существительное [Prep+N]_{Adj} (см., например у Benigni, Masini¹⁹).

Прилагательные с нулевым суффиксом способны характеризовать не только одушевленные субъекты, но и более широкий круг референтов: *безлесые горы, безлистые деревья*. Словарь морфем А.И. Кузнецовой и Т.Ф. Ефремовой отмечает ряд корней, способных к построению прилагательных данной модели: так, кроме названных, возможны *безверхий, безгнёздый, безостый, безыглый*, а также *бесиёрстый* и *беспёрый*²⁰.

Особого внимания заслуживает пара *бесстыжий – бесстыдный*, где оба прилагательных отмечены суффиксами: *-j-* и *-н-*, причем у прилагательных разная референция: *бесстыжий человек/глаза/взгляд – бесстыдный поступок*. Здесь в одном случае свойство стыда мыслится как неотчуждаемая принадлежность человека, в другом – как оценка, приписываемая его действиям, т.е. суффикс *-j-* действует аналогично нулевому суффиксу²¹. При этом стыд, абстрактная невидимая субстанция, воспринимается как физический объект, очевидно, явленный в глазах и взгляде. Точнее сказать, стыд проявляется в отводе глаз (*стыдливо отвести глаза в сторону, потупить взгляд, прятать глаза*), а явным, видимым в глазах читается смущение – либо бесстыдство. Глаза оказываются органом, непроизвольно выражающим стыд или смущение; это как бы их пассивная функция – выказывать чувство или состояние души. Но хотя глаза могут выразить разные чувства, а у стыда есть и более очевидное проявление – *краска стыда* (которая, впрочем, может свидетельствовать и о других чувствах, по А.Г. Григоряну²²), в языке именно глазам приписано неотчуждаемое свойство стыда как видимой субстанции. Срезневский приводит целый ряд слов со значением ‘бесстыжий’ – *бестудь* (‘бесстыдник’), *бесрамьныи*, а также *безокъ, безочьнь, безочьныи, безочивыи*, т.е. букв. ‘безглазый’. О.Н. Трубачев отмечает это как редкий пример развития нового значения для данной модели, семантической эволюции: ‘без глаз, без зрения’ → ‘бесстыжий; наглый, нахальный, дерзкий’; подобное явление наблюдается и в греческих и персидских примерах²³. Можно добавить и близкий армянский пример: *анэрес*, букв. ‘без лица’, ‘без-

ликий' – 'нахальный, назойливый, навязчивый'. Обладание лицом представляется более общим свидетельством достоинства, стыдливости, способности не обнажать чувства взглядом, защищаться краской стыда, т.е. создавать внешнюю границу. Можно усмотреть здесь более широкую параллель с метафорой «сохранения лица» как ведущего принципа теории вежливости П. Браун – С. Левинсона²⁴.

Для русского материала получается, что стыд, как и сердце, – неотчуждаемая принадлежность человека, поскольку они отмечены в архаичных моделях: *бестудь, безокъ, бесърдь, жестосердь* и современных *бесстыжий, жестокосердый*.

Модель прилагательных со значением лишения

Но является ли сама модель *без-√-Ø* изначально фиксирующей лишение неотчуждаемой принадлежности?

У Срезневского для образований с *без-/бес-* отмечены ряды дериватов двух типов:

1) *студъ – бестудъ* (без *студа*, 'бесстыдник') – *бестуждь/бестужь* (без *студа*, 'бесстыжий') – *бестудие – бестудьный*; *чадо – бесчадъ, бесчада* (без *чада*, 'бездетный') – *бесчадие – бесчадный*;

2) *страхъ – бестрашие – бестрашный*; *чинъ – бесчиние – бесчинный*; или *честь – бесчестие – бесчестити – бесчестный*.

Рядов первого типа меньше; в них видно, что прилагательные и существительные (вначале без категориального различия) складываются на основе предложной конструкции сращением с минимальным морфологическим преобразованием. От них могут производиться прилагательные с помощью суффикса *-j-* (*бестуждь/бестужь*, ср. также *бездобъ* 'беспольный, напрасный') и с суф. *-ьн-*. В рядах второго типа прилагательные отмечены только с суффиксом *-ьн-*, при наличии и существительных с суффиксом *-и-е* с отвлеченным значением. Вероятно, эти более сложные формы прилагательных являются более поздними.

Но в то же время простые, краткие формы семантически достаточно разнообразны и не обнаруживают общего признака неотчуждаемой принадлежности: *безбогъ, безвередъ* ('невредимый'), *безвъкъ, бездъдъ* (имя собств. муж.), *безлъпыи* (без *лъпа*, 'бессмысленный'), *бесапогыи*, но *безбрадънъ* ('безбородый'), *безгласъныи*. В берестяных грамотах А.А. Зализняк отмечает также имя *Безуй* 'не имеющий дяди по материнской линии' (грамота 22 из Старой Руссы)²⁵.

Можно предположить, что краткая модель изначально оформляла очень важные признаки человека²⁶ – они близки к конкретно-

му имени-прозвищу (ср. также фамилии по Унбегауну: *Безбородов*, *Беззубов*, *Безруков*, *Безуглов*, *Безумов*, *Безухов*, *Бескостый*, *Беспалов*, *Бесперстов*, *Беспятов*, *Бессонов*, *Бестужев* (<*бестудь*²⁷). Минимальная морфологическая оформленность модели *безвредъ*, *безокъ*, *бесчадъ* выделяет первый круг важных конкретных характеристик, их немного, но круг не ограничен неотчуждаемыми объектами (то же и в производных фамилиях: *Безуглов* < без угла, т.е. без дома). А менее важные или обобщающие, вторичные, оформляются суффиксами -ын- и/или -и-е/ье- (например: *бесловесие* – *бесловесьныи*, *беспортье* ‘недостаток одежды’, *безгодие* – *безгодьныи*). По отношению к человеку наиболее важные его характеристики в большинстве случаев определялись видимыми неотчуждаемыми объектами, но не только ими: сердце и стыд, «духовные способности», тоже могли мыслиться как необходимые, сущностные, отсюда и *бесърдыи*, *бестудъ*, *безокъ*. Это гипотетическое рассуждение не противоречит и тому, что в языках с отмеченной категорией неотчуждаемой принадлежности границы лексического класса таких объектов определяются по-разному.

О древности общеславянской словообразовательной модели прилагательных с префиксом *без-* и их связи с моделью сложения Трубачев пишет следующее: «... наиболее существенные характеристики русск. *лопоухий*, *босоногий* приложимы к русск. *безухий*, *безногий* (праслав. **bezixojъ*, **beznojъ*)»²⁸. Трубачев рассматривает параллельные формы: **beznojъ* – **beznoъnъ*, **bezokъ* – **bezocъnъ*, отмечая, что более поздним образованием всегда являлось второе²⁹.

Более широкая сочетаемость с корневыми основами в модели *без-√-Ø* по сравнению с рассмотренными сложными прилагательными может свидетельствовать о большей архаичности модели лишения.

* * *

Итак, подводя итог проведенным наблюдениям, отметим, что категория неотчуждаемой принадлежности находит свое выражение в современном русском языке в модели сложных прилагательных со значением обладания и в простых прилагательных с префиксом *без-* и значением лишения. Эта категория проявляется в противопоставлении прилагательным, имеющим значение оценки субъекта по его отчуждаемой принадлежности.

Формальное выражение категории неотчуждаемой принадлежности обеспечивается именно этими двумя моделями – сложными прилагательными и прилагательными с префиксом *без-*, которые

представляют собой образования с формально выделяемым нулевым суффиксом.

Продуктивность данных моделей поддерживается в современном языке в рамках определенных ограничений. К фонетическим относятся ограничения на двусложную основу второго компонента, эти структурные ограничения описаны в АГ. Семантические ограничения обнаруживаются в области референции – среди неодушевленных референтов модель работает на тех, части которых имеют названия, производные от частей тела. Семантическим критерием иного порядка является восприимчивость предметов обладания органами чувств, причем здесь границы неотчуждаемой принадлежности обнаруживают некоторую специфичность: можно предположить, что стыд и сердце ведут себя как неотчуждаемые видимые объекты.

Возможно, эти ограничения складывались постепенно, примеры с *без-* обнаруживают более широкую сочетаемость в рамках общей модели.

Идея неотчуждаемой принадлежности связана с наиболее архаичными образованиями в языке и, возможно, развивалась на основе представлений о самых важных сущностях, принадлежащих человеку.

Примечания

- ¹ Русская грамматика. Т.1 / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Академия наук СССР. М.: Наука, 1982.
- ² Там же, §772, с. 325; §752, с. 318.
- ³ Там же, §752, с. 318.
- ⁴ *Horecky Ján*. Semantics of Derived Words. Prešov / Filozofická fakulta v Prešove Univerzity P.J. Šafárika v Košiciach. 1994. P. 1-71.
- ⁵ *Grzeg J.* Compounding from an onomasiological perspective // The Oxford Handbook of Compounding / Eds. P. Steckauer, R. Lieber. Oxford University Press. 2009. Chapter 11.2.2.
- ⁶ *Лопатин В.В.* Нулевая аффиксация в системе русского словообразования // Вопросы языкознания. 1966. №1. С. 76–87.
- ⁷ *Scalise S., Bisetto A.* The classification of compounds // The Oxford Handbook of Compounding / Eds. P. Steckauer, R. Lieber. Oxford University Press. 2009. Chapter 3. P. 49-82; *Benigni, V, Masini, F.* Compounds in Russian // *Lingue e linguaggio*. 2009. VIII.2. P. 171–193.
- ⁸ *Whitney, William Dwight.* Sanskrit Grammar: Including Both the Classical Language, and the Older Dialects, of Veda and Brahmana. 1879. (2d edn. 1889), по ссылке из: *Scalise S., Bisetto A.* Op. cit. P. 77. Скализе и Бизетто относят эти образования к парасинтетическому способу, в отличие от корневого сложения (root compounding: *apple tree*) и от деривационного (*taxi-driver*) – «they

are nominalised by means of a zero suffix expressing the relation of possession (*he who has*). In both cases (*green-eyed, greybeard*) we therefore have the same type of parasynthetic formation, the difference lying in the *overt* presence (in affixal position) of the head element in one case and its absence in the other. Still, in both cases, it is the presence of the *overt* or *covert* element that makes them compounds».

- ⁹ Nakamoto Takeshi. Inalienable Possession Constructions in French // *Lingua*. 2010. №120 (1). P. 74–102.
- ¹⁰ Пеньковский А.Б. О развитии скрытых семантических категорий русского языка (от Пушкина до наших дней) // *Он же. Исследования поэтического языка пушкинской эпохи*. М.: Знак, 2012. С. 401–429.
- ¹¹ Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М.: Прогресс : Универс, 1995. С. 133-134.
- ¹² Русская грамматика... С. 325.
- ¹³ Урысон Е.В. Языковое представление об устройстве человека («наивная анатомия») // *Она же. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике*. М.: Языки славянских культур, 2003. С. 21–59.
- ¹⁴ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Том 1. М.: 1958. С. 864.
- ¹⁵ Толковый словарь современного русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова; Ин-т рус. яз. РАН. М.: Азбуковник, 2007.
- ¹⁶ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Том 3... С. 881.
- ¹⁷ Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Benigni, V, Masini, F. Op. cit.
- ²⁰ Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. М.: Русский язык, 1986. С. 466, 468.
- ²¹ Ряд прилагательных с этим суффиксом приводится И.Б. Иткиным: *неший, проезжий, суший, вещий* и др. (Иткин И.Б. *Русская морфонология*. М.: Гнозис, 2007. С. 134).
- ²² Григорян А.Г. К происхождению одного фразеологизма, или можно ли сгореть со стыда // *Вопросы филологии*. 2005. №2. С. 30–34.
- ²³ Трубачев О.Н. *bez(ъ) // *Этимологический словарь славянских языков*. Вып. 2 (*bez – *bratr) / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1975. С. 12–13, 35–36.
- ²⁴ Brown P., Levinson S.D. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- ²⁵ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Языки русской культуры. 1995. С. 282-283.
- ²⁶ Ср. также обозначения особо значимых ситуаций сращением с род. п. имени – *бесчада* ‘бездетно’, *беспу́та* ‘бездорожье’, *бездѣна/бездѣны, бездѣнь* ‘бездна’.
- ²⁷ Унбегаун Б.О. Указ. соч.
- ²⁸ Трубачев О.Н. Указ. соч. С. 11.
- ²⁹ Там же. С.13.